

МАЛЫМ ТИГРАЖОМ

Любовь
МИЛЯЕВА

ОСТРЫЙ УГОЛ

ББК 84 (2Рос=Рус)
М 12

М 12   Любовь Миляева

Острый угол. Стихи, проза. – Ханты-Мансийск, ОАО
«Информационно-издательский центр», 2010. – 108 с., илл.

Книга «Острый угол» представляет собой своеобразную фотографию эпохи перестройки с точки зрения авторского восприятия. Произведения, представленные в данном издании, написаны в переломный для страны период времени 1989–2002 годы, и демонстрируют взгляд и реакцию человека 18-30-тилетнего возраста на события, происходящие в то время в стране.

Издание предназначено для узкой целевой аудитории – аналитиков, литературоведов, историков.

Публиковать и использовать в СМИ произведения, находящиеся в данном издании, полностью или частично запрещено.

ISBN 978-5-98143-140-1

© Л. Миляева, 2010

От автора

В книгу «Острый угол» собраны произведения переломного для страны периода – перестройки.

Развал страны, развал экономики, развал духовных (идейных) основ происходили столь стремительно, что каждое живое сердце, так или иначе, откликалось на происходящие в стране события – и, в основном, болью.

В период 1989–1991 гг. мои сверстники завершали учёбу за партами училищ, институтов – делали первые самостоятельные шаги в жизнь. Страна встречала моё поколение не ласково. Сбережения, которые родители готовили для нашей «подпорки» сгорели в одночасье – за одну ночь. Мы, 18–19-тилетними неоперившимися птенцами выпадали из отчего гнезда... А страну в это время лихорадило. – Приватизация, путч (август 1991), развал Советского Союза на отдельные государства, дефолт (август 1998), события в Чечне... Устроиться на работу было крайне сложно – шла повальная безработица. Зарплату не платили месяцами, или платили бартером, натурпродуктом. В городах бушевал разгул криминала.

Гигантская машина-государство, срывая с себя идеологическую мишуру, сдирая с себя социалистическую кожу – тяжким грузом обрушивало её на головы простого народа. Многих придавило, откинуло за грань нищеты. А сама машина-государство явилась перед глазами людей, увы, в неприглядном виде, пожалуй, в самом отвратительном.

И если Север, в силу мудрости команды, которая встала у руля, нашёл в себе силы подняться, то центральная часть России до сих пор ещё не может в полной степени выйти из оцепенения, после шоковой терапии российской экономики. И, наверное,

потребуется ещё не один год, для отлаженного функционирования хозяйственной государственной машины. Тем не менее, уже с 2003 года, в стране не просто наметились какие-то шаги, а стали явно видимы глазу обывателя, положительные результаты целенаправленной пошаговой стабилизационной программы.

Во время 90-х годов много в стране было агрессии и резких заявлений, поэтому в тот период свои произведения я фактически не публиковала (за исключением некоторых «безобидных» стихов: «Обличение», «Если бы», «Моя трагедия равна кровопролитию!», «В сутолоке суток, как в квадрате ...») – не было желания добавлять напряжённости и ядрёности в общий и без того «кипящий котёл».

Сегодня ситуация в стране изменилась в лучшую сторону, и изменилась значительно. Да и времени с момента написания представленных в данном сборнике произведений прошло уже достаточно, чтобы относиться к ним, как к событиям дней минувших.

Книга «Острый угол» издана малым тиражом. Опубликованные в данном издании стихи и рассказы предназначены для определённой, очень узкой целевой аудитории – аналитиков, литературоведов, историков.

Книгу «Острый угол» необходимо рассматривать исключительно в историческом контексте, как «фотографию» эпохи перестройки, безусловно, с точки зрения субъективного авторского взгляда человека 18–30-тилетнего возраста на происходящие в тот период события. По этой причине все произведения датированы – указан год их написания.

Июль, 2008 год.

ПРАВДОЮ

*у
общины...*

* * *

1991

Ветры в поле.
Русь, качаясь у столба,
Встала,
Обнажённая как стих –
Мне под сердце болью острою вошла.
Будем, Ваня, запрягать вороных!

Смотрит Кривда –
льстивым слогом губа
Кушать манит
Хлеб да масло за двоих –
Мне за Богом, по дороге прямой.
Будем, Ваня, запрягать вороных!

Чай, не мачеха –
родна матушка – Судьба.
Ветры воют
И страшат. – Тьфу на них.
Мне по полю. Была не была!
А ну-ка, Ваня, запрягай вороных!

Прошло-новым перестройщикам

1989

– Э-ге-гей! За расцвет!...
Под-петь поколение! –
Широко-новому пути –
расчищение!

Рушьте стены.
Мостовые, мóзги –
Не одно ли дело? –
Выстроим новое!
Чтоб рабоче-сладко
Жилось-спивалось,
в ноги кланялось
«зелёным»...
долларо-колуноголовам
своими «простыми» –
вам.

– Э-ге-гей! За расцвет!...
(кирзой по Руси...) –
Расчищение
Широко-новому пути!
Поднимайтесь все,
Православные!
(но не выше каблуков
власть-приставных)

Да не ропщите,
Нищие –
С радостью зрите
                очищение –
                                воочию.

– Оп-пля!
Рисуем лица! –
                (Боль глаз...)

Кто-нибудь
1991

Сколько стоят розовые очки?
Скажите мне... – Кто-нибудь.

Больно глазам моим видеть,
Словно плёнка защитная содрана,

Словно пламя жжёт глаза мои.
Больно глазам моим видеть.

Прохожие! – Кто-нибудь!
Продайте мне розовые очки!

Обличение

1991

О, как страдала я,
Рассматривая грустную картину, —
Как маска добродетели, сползая,
Открывает
Твою скользкообразную личину.

* * *

1991

Ах, как хотелось быть
И слабой, и нежной,
Но обнажился мир
На узкой дороге.

И не котёнок он,
Увы – не пушистый.
Ах, так хотелось быть... –
Да мир круторогий.

Если бы

1991

Замерло на миг,
Остановилось
Движение по жизненному кругу...
И услышали, наконец,
В образовавшейся тишине
Стон
Утомившихся душ своих...

Стон
Превратился в крик,
Крик –
В грохот,
И загрохотало
Над застывшими человеческими фигурками:
«Не к своему ли концу торопитесь,
Сминая всех и вся на пути?..»

Если бы...
Замерло на миг –
окаменело!

Воля
1991

Дышится! – воля, Воля!!
Прёт – аж во все щеля.
Воля – одно что пьянка
Для мужика.
Вырвался покуражиться от души,
Чтоб заходили, охая, камыши.
Вырвался, чтоб до усмерти
затрясло,
Чтобы до страсти, до опупения
проняло,
Чтобы согнуло бедного – аж в дугу...
Счастье – завывать собакою на лугу.

Но Воля – она ж как баба –
Коль в дом введёшь,
Вот и живи, как можешь – и хошь-не хошь.
Сдавит порой: что делать с ей? –
Хрен поймёшь.
Чай не картошка воля-то, чай не вошь.
Поздно уже метаться то в пот, то в дрожь –
Всё. Принимай родимую
Без калош...
Рад бы в попят, последние сунув гроши –
Ан-же! – Люби до гроба теперь, до дрожи.

Дышится? – воля, ВО-ЛЯ?!..

Письмо
на деревню дедушке Думе
1993

Как псы в загоне
в стране живём,
друг друга травим,
друг с друга рвём,
всё хапаем, давимся
смачным куском,
всё делим, судимся
о пустом.

Крутится
сует колесо.
Тужимся –
меряем вся и всё:

дорогу – километром,
скалы – кайлом,
морду – зеркалом,
реки – веслом,
рост – чином,
счастье – шмотьём...
Веру! – и ту,
нашейным крестом...

Годы калеча,
        черновик шьём.
Набело жить
        когда начнём?

---

* *Нашейный крест* (авт. знач.) – существует выражение «нательный крест», здесь же – крест, носимый без веры в душе.

**Предгрозье
или
предвыборный сезон
1993**

Беспредел на этом свете:
Обезглазил небо кто?!
Влезть, видать, повыше метил...
тихой сапою. Ишь-то,

съел луну – не подавился.
Сел. И свесил рукава...
Даже пень перекрестился,
на небь посмотрев едва.

Эко, темнотучно вызрел! –
Был-то... с хвостик комара.
Чуть заметным хлипким паром
кое-как дышал с утра.

Весь дрожит, на ножки встанет,
Смотришь – снова у земли.
Думаешь, ей-дух, растает... –
Оболванил! Эк схитрил!

Ведь ему держали спину,
поднимали, как могли,
чтоб в сыру́ землю ' не сгинул,
не зачах тощóй в пыли.

Нынче шарит глазом бычьим,
а под сердцем скрыл зато,
как по волчьему обычаю
(«не усмотрит, мол, никто!») –

чёрну ярость – бычью жажду
грозным властвовать царём,
устрашить пытаюсь кажду
мелку мушку: «Ух, я – гром!».

Что там страху! – жаждет плача,
чтоб мололось под ногой
всё – и лес, и чья-то дача,
и церквушка за рекой.

Лес взволнован. Может мимо?
Русский упасёт *авось*?
Не промокнул у долины
Все травиночки насквозь.

Над избёнкой воздух сдавлен...
Сквозь тревожное затишье,
Будто голубь окровавлен
Молния метнулась в крышу...

* * *

1993

Всё можно знать – от А до Я –
И быть при этом сволочью.
Хватая Русь за все края,
Добычей рвать на клочья.
Продав и друга... и себя
Однажды тёмной ночью...
Всё можно знать – от А до Я –
И быть при этом сволочью.

Лакомый кусочек

1993

Как беда, по Руси идёт
Перестройка – нищает народ.
Из кармана рваного обрывки газет,
Рука протянута – дай Бог на обед...
Глаза, уставшие от многих бед –
На паперть вышел великий поэт.

А новые русские – «при мази»:
Совесть продали – и в ферзи...
Что поэт для них? – голь – мурава.
Русь добросердечная –
Кормушка-страна –
Лакомый кусочек весьма.

Не пугай, мол, адом –
Не стони душа – жить надо
Хапая... – Жизнь хороша!
Вся Русь – смачный бизнес,
Кормушка-страна –
Лакомый кусочек весьма.

Откуда их столько
Жадных ртов?!
Словно со всех параллелей,
со всех углов

Собрали в загон
                голодных псов,
Грызутся – эмаль с клыков,
Лезут к хавлу
По головам,
По лбам, по глоткам, по рукам...
Что для них Русь? –
       Кормушка-страна –
                    Лакомый кусочек весьма.

Воем плач по Руси идёт.
Худеет земля, нищает народ.
Душа устала от многих бед.
В паперть врос великий поэт.
Из кармана рваного обрывки газет –
Рука протянута – дай Бог на обед...

Перестройка

1993

Перестройка – мясорубка,
Душекрутка, горлопанка –
День и ночь трещит-молотит,
Воровайка-ободранка.

Перестройка – лицемерка
Никого не пощадила,
Методично жизнь за жизнью
В чёрный омут утащила.

Перестройке – лжецарице
Русь в запале присягнула,
И восторженные лица
К душекрутке потянула.

Налетела...

1993

Налетела Перестройка,
Крепкие дала ростки
Над-по краю преисподней,
По-над пропастью тоски.

Перевернут мир изнанкой.
Вылез задом наперёд.
Изнутри начинка – дёготь.
На наклейке – сладкий мёд.

И, купившись на наклейку,
Затянули пояски
Мужики на телогрейках...—
Исхудали старики.

Душу словно отпускают
На четыре стороны:
Кто в запое, кто на поле
У тяжёлой брони.

Смутное бродяжит время
От сохи и до доски,
Над-по краю преисподней,
По-над пропастью тоски.

* * *

1993

Моя трагедия равна кровопролитию! –
Он был романтиком, а стал – политиком.
Ромашки кончились. Прощай, мой май!
Так и разрушился семейный рай...

* * *

1993

В сутолоке суток, как в квадрате –
Высота спины равна длине рубля.
И чтобы не пролечь гипотенузой меж данными двумя –
Я становлюсь любовью и разрываю рамки дня.

Узница
Триптих
1993

* * *

Я – заключённая в саму себя.
Как осуждённая на покаянье.
И тело – тяжестью несу скорбя –
Судилищем, крестом и наказаньем.

* * *

Когда через зрачок смотрю на этот мир,
Как через маленькое камеры окошко –
На пустыре шипит недобрый пир,
И к змею ластится слепая кошка.
Пора весны. В природе – зрелый май.

Мой сад-земля – обетованный рай! –
Я не могу прорвать глухую стену,
Мой узный замок – моё тело.
Да лучше б сорняком в земле стоять,
Чем видеть пир на месте запустелом!..

* * *

Мне участь – языком во рту сидеть в судьбе,
И вроде дома, но вечно на пороге.
Как в клетке зверь, мечусь сама в себе,
Но, исповедь творя, рождаюсь в Боге.

1997

Раненым зверем, загнанным волком,
Не помня ни дня, ни заката толком,
Он долго бился – глаза в глаза,
Смерть испугалась и отползла ...

Живём...

1997

Живём
как умеем, каждого
лупит по голове –
судьба
порою не мёдом – сажей
по носу и по щекам
мажет.

И сколько каждому
отмерено? – свой удел.
Плакала мама:
«Рано-рано, доченька,
волос твой поседел».

Живём
как умеем, каждому
судьба – то орлом, то решкой,
то самобранкой-скатертью,
то ветошною прорешкой.
Стоим
под небесной синью,
сподобленные жнивью.
Спасибо тебе, Всевышний,
за то, что ещё живу.

**В момент
глубокого пессимизма**

1997

Зима калиткой старою срывается с петель.
Вот-вот водою талою появится апрель.
Он обнажит бессовестно убогость деревень.
Дома-калеки – улиц российских будний день.

Как снег, в апреле тает житейский оптимизм.
И с мухами влетает в квартиру реализм.
И хочется ворваться к соседям – покрушить:
«Опять у вас прорвало! Ну, сколько этак жить?!»

Всё брошу и уеду куда-нибудь в Лондóн,
В Париж или Неаполь – короче, за кордон.
Похоже, ещё долго у нашего крыльца
Российскому апрелю не видится конца.

Опять...

1997

Опять ухожу одна
Скитаться по белу свету.
И крутится дней кино,
Как включенная кассета.

Опять Петербург – Москва.
И чьи-то чужие роли.
Грим смою. А за окном
Стонет страна от боли.

И вижу – моя судьба
До дырочек прохудилась,
От этих чужих ролей
Быстрёхонько износилась.

Опять ухожу одна.
Свет перепутав с мглою,
Печально Разруха-страна
Встречает пустой сумою.

Когда ж ты, Христова Русь,
Выплачешь лучшую долю?!
И Золушкой став, сажусь
Штопать судьбу иглою.

Эмигрант

1997

Я – точно эмигрант в своей стране...
Поэт по духу, без жилья и без прописки.
По статусу – интеллигентный бомж:
Без места жительства... Не числюсь в списках.

Как лошадь воз, тяну свою судьбу –
Чины в стране не чествуют поэтов.
Растачивать метраж на голытьбу
Не выгодно для окружных бюджетов.

Цветаева, Есенин, Башлачёв –
Ряд русских полнится бомжей-поэтов.
При этом ширится метраж чванов,
И темы опошляются куплетов.

Для чина нашего безумство – словно блажь.
А жить-то хочется в России,
Где поле тянется до горизонта аж,
И ели на Урале сини-сини.

Вот и кручусь как вошь – на волоске,
Меж божьим колосом и неприютным адом,
На лбах читая, словно на доске:
«Поэтов русских нам в стране не надо».

А я пою небесную любовь,
Служу поэзии, звучу в своей струне.
И с горечью проглатываю вновь:
«Ты – чуждый, эмигрант в своей стране».

Знаешь, мама...

1997

Знаешь, мама,
Нынче слишком...
                                затянулась зима.
Мама, мама...
Мне так хочется тепла...
А ведь я который год
Считаюсь...
Без приюта...
А в России
Хаос рынка потрясает все края.
И страна моя родная,
Как чужая сторона...
Словно нет меня...
Как будто не рожалась – не жила.
В списках нет. Не числюсь, мама! –
Нет меня. Как умерла.

А законы эти, пишут
Не для нас, не для меня...
Так... – обводят вокруг пальца,
Чёрствой корочкой маня.
Я по ихним написаньям
Никуда не подхожу.
Словно инопланетянин –
К людям не принадлежу.

Для страны мы нашей родной
Чужеродные во всём.
Мы ведь, мама, вне закона,
Получается, живём...
Как-то все перевернулось,
Как-то всё наоборот –
Вне закона раньше – воры,
А тепереча – народ.

Плакать, мама, бесполезно... –
Надо ладить рукава...
У кого-то десять родин –
У меня всего одна.
Если нет таких законов –
Я сама их напишу.
И вставая против ветра,
Одного себе прошу –
Силы. Силы
Дай мне, Отче! –
Ветра выдержать порыв.
Дай, прошу, Отец, мне силы! –
Не упасть в крутой обрыв.
Ветер нынче слишком злощий –
Покоробило дома.
Мама! – БОГ встаёт со мною! –
Значит, кончится зима.

Поколение девяностых

1997

Поколение моё, поколение...
Государство нас всё на колени
Ставит, силится, – мол, жрите, щенки,
Кость безмозглую с Иудовой руки.

Поколение моё, поколение...
Государство нас всё на колени
Ставит, вытолкнуть пытаюсь на панель –
Вот, мол, место вам – отсель и досель.

Поколение моё, поколение...
С каждым шагом крепчают колени.
С каждым часом матерюют щенки.
Сила копится в запястье руки.

Поколение моё, поколение...
Государство нас все на колени...
Но мы поднимаемся – в Одном – РАТЬ.–
Закалённый металл – не сломать.

Поколение моё, Поколение!..

* * *

1998

*Еду я на родину,
Пусть кричат – уродина,
А она нам нравится...
Юрий Шевчук*

С души – портовая, с лица – уродина,
А может, всё это – не о моей Родине?!

---

*Портовая – включает синонимы «портовой девки», портового города – шумного, разбитного и не очень чистого.

На рассвет
1998

Вереницы
    летят
        лет.
На рассвет смотрю, на рассвет.

Верю твёрдо, душой молюсь:
Да, не сломят дефолты Русь.

Вереницы
    летят
        лет.
На рассвет идём, на расцвет.

Казнокрады кичатся... – пусть.
Ваня выдюжит – встанет Русь.

* * *

1998

Страна моя бедолажная –
Страда моя неуёмная,
Ты – боль моя неизбывная,
Как сука стоишь продажная.

На сердце засела родинкой,
Печальною песней девичьей.
Не балуют мать царевичи,
Словно мачеха им, не Родина.

Страна моя простодушная,
До крайности терпеливая.
Ты станешь когда горделивою?
И встретишь когда радушная?

Страна моя бедолажная –
Страда моя неуёмная,
Боль моя неизбывная...
Ты для сердца такая важная!

* * *

1998

Затихли рябин кроны.
Пустынно на белом свете.
Деревень обветшалое лоно
Трудно уже не заметить.

Раньше – дома, как матроны,
Смотрят важные – рядом дети,
А теперь вместо труб – вороны,
Крыши впалые не приветят.

Рябиновым тихим кронам
Да реченьке – лихолетья,
Как выцветшие иконы
Оконные ставни светят.

* * *

1998

Смотрят глазами тёмными
Сёла глубинки северной.
Ветхость домов нескромная
Стала приметой времени.

Рвутся с ветвей рябиновых
Ягоды – в кровь созрели.
И занавескам сатиновым
Худо в окне-колыбели.

Видно, не та баюкает
Нянька их – хладный ветер.
Кличут хозяйку, укают,
Рученьки тянут в вечер.

Сколько их! мимо катера
Смотрит в речные полосы.—
Вырвалось слово матерное,
Рваной струной в голосе.

Чьи-то дома отчие –
Тёплый очаг раненый,
Правдою – у обочины,
Пустошью – на окраине.

Словно душа запустелая,
Потерянная во времени –
Смотрят осиротелые
Сёла глубинки северной.

Иван-Дурак

1998

Идёт Дурак –
Шапка – на бок.
За душой – ни гроша, ни ерша,
Но падок наш Дурак на водку,
Как солдат на молодку.
Нашёл
В грязи десятку – и в присядку
Пустился Иван по улице
Прищурился –
Да и напрямиком в кабак
Заплясал Дурак.
Выпил немножко, взял гармошку.
Растянул меха – гуляй, душа!
Утёр усы, ударил в басы,
И затынул: «Ой, ты, гой еси...» –
Песню грустную о матушке Руси:

«Ой, ты, Русь, Иванова Русь.
Поле долго – широка грусть.
Ой, ты, Русь, Марьянова Русь –
Бабьей доле опять дивлюсь...
В поле сеет артель Марусь,
В поле пашет артель Марусь,
В поле косит артель Марусь.
Ой, ты, Русь, Марьянова Русь –
Поле долго – широка грусть.

Стало нóнеча всё не так...
В поле нет Вáней – слаб кулак.
Не видать Вáней – пуст кабак.
Один я – да и тот Дурак.
Ой, ты, Русь, Иванова Русь,
Поле дóлго – ширóка грусть...»

Положил гармонь.
Потёр пятак.
И куды ноги побрели
Пошёл Дурак...

А филин мудрый всё глядел и так, и сяк...
Эк не хозяин чоль своим ногам Дурак?
У птицы заркий глаз зрил в глубь веков...
Он, филин, знал как из царей болванят дураков.
Болванят – делают, штампуют под заказ.
А кто заказчик? – Это долгий сказ...
Пока в хмельном угаре тонет Русь,
Заморский яко на дрожжах жиреет прус,
Как диво-дивное – лоснится, окаян...
Куды идёшь, Иванушка, Иван?!

---

*Прус – насекомое, саранча.

А Русь стояла...

1998

Гроза. В свинцовом небе гром и молний стрелы.
Тугие ветви у осин к земле кренило.
А Русь, как девушка в простом платочке белом,
Стояла, молча – сердце к Богу отворила.

Горели ярко купола кровавым светом
У церкви деревенской деревянной.
И богомолица худым склонилась телом
Перед иконою в молитве покаянной.

Дрожало пламя в темноте – горели свечи,
За чью-то жизнь молитва повторялась.
Гроза не унималась – словно сеча
Меж воинством небесным состоялась.

И далеко, в неведомом нам поле,
Не первый ангел крылья свои сложил.
Он – русский воин, пал в солдатской доле,
Как чей-то сын, иль муж ... – недолго пожил.

Гроза. Громы. Сгустился мрак, лютуют стрелы.
Тугие ветви у осин к земле кренило.
И потемнел, как вдовый крест, платочек белый.
А Русь стояла... – тихо с Богом говорила.

Рассвет входил в силу...

1998

Рассвет входил в силу
Новая кровь наполняла небесные жилы
Тихо. Покойно. Благостно.
Как вдруг сделалось небо цвета бронзы,
Стало низким-низким.
Нависло над самой головой
видимых глазу сосен.
И вдруг свернулось,
скрутившись податливым листом
в свиток – от восхода на закат.
Сделалось темно-темно.
Потом, заблестев лунной дорожкой,
Засуеилось ровными лучами, словно
Потревоженными сонными ресницами.
Лучи разбежались на восход – на закат.
Небо смотрело. Так смотрит стрекоза –
Множеством зрачков – в каждом пламя.
Снова, вздрагивая, надвинули и отринули
Темноту лучи-ресницы.
Падала камнем огромная слеза –
Упав, она оказалась похожа
на ртутный шар.
Земля дрогнула – принимая на тело своё
Слезу.
Снова надвинули и отринули
Упругую темноту лучи-ресницы.

Небо смотрело. Так смотрит стрекоза –
Множеством зрачков – в каждой молнии –
Разразилась...
Рассекла слезу ртутно-каменную.
И вонзились в землю
Острым углом –
Краем угла каменного –
Четыре пирамиды,
Встав на четыре стороны –
Перевернутыми –
Основанием к небу.

Пламя горело по центру
Говорило пламя:
– Скажешь.
Вороны и стервятники,
Добычей мнящие Святую Русь –
Рано слетелись.
Род ваш кровавым коленом
На острие слезы.
Каждый колос этой земли сочтён.
Скажешь.
За Россию ответите вы!
Перед тем, кто ещё не родился.
Но родится в трущобах, в конуре.
Это он – потом удавит
Ваших, ещё не родившихся внуков.
Это ваша кровь, ваши дети
Будут собраны со всех четырёх сторон.
Это ваша кровь – невинные внуки,

Будут отвечать за вас.
Скажешь.
У власти стоящие,
Нищая мать – ваш позор.
Нищая Родина-мать, Россия – ваш срам.
Высотой в три колена
Восстанет в поле кровавый храм.
До третьего ангела
Жнец не идёт – терпит,
слезу роняя.
Ангел третий – молнией низойдёт
Вспышкой озаряя
Небо и землю,
Покров полей,
Багряную сыпь кровель
За боль великую – Русь,
Нет боли больней –
За сокровенную из сокровищ.
Скажешь.
Вóроны и стервятники,
Добычей мнящие Святую Русь –
Рано слетелись.

Надвинули и отринули
Упругую темноту лучи-ресницы.
Небо смотрело. Так смотрит стрекоза –
Множеством зрачков – в каждом крест. –
Снова, Надвинули
темноту лучи-ресницы,
Заблестев лунной дорожкой,

Начали сматываться лучи – как нити в клубок,
Удаляясь всё дальше-дальше
В небесное поле.
Совсем маленьким сделался клубок.
Звездой сначала. Потом чёрной точкой.
Сделалось темно - темно.
От заката на восход
Развернулся податливым листом
Свиток. Небо
Нависло над самой головой
видимых глазу сосен
бронзовым полотном.
Поднималось выше-выше.
Становилось
Тише. Покойней. Благостней.
Новая кровь наполняла небесные жилы –
Рассвет входил в силу.

Нищета – не рок...

2000

Нищета – не рок, но фактор болевой...
Вот он – рассадник желчи и злобы.
Нищие дети – осиный рой
Внутри российской утробы.

Множится, множится нищета,
Словно весной микробы.
Ударит час – выставит счета.
От расплаты уберёт кто бы.

Кинутся власти взывать к душе –
К праведному, к родному.
Но вместо души – бублик уже.
И ни родины нет, ни дома.

Кинутся к слову – авось спасёт.
Но сузилось слово – ссохлось.
Остался поэт – и тот палец сосёт,
Нищета с ним давненько сохалась.

Другие – про промысел божий забыв,
Друг другу – петух с кукушкой,
Зерна живые в душе загубив –
Кушать хотят – кушать...

Нищета – не рок, но фактор болевой...
И не оправдывал его кто бы... –
Это орган самый гнилой
Внутри российской утробы.

* * *

2001

Мы – люди – все на плахе –

смерть – секира.

И в нашу жизнь – в наш судный день

побольше б мира.

Да чтобы солнышко от нас не отвернулось,

Да совесть, глядя бы в глаза, не ужаснулась.

Поперёк
Диптих-контраст
2001

Один

Он привык – поперёк.
Против ветра, и против течения.
И судьбу, как штурвал,
Он вертел против общего мнения.

Он привык – поперёк.
И мечту брать, где волей, где силою...
Говорил: «Выйдет срок –
Отдышусь я душой белокрылою».

Он привык – поперёк.
И вперёд шёл без тени сомнения.
И стоял – одинок
Против ветра и против течения.

Он привык – поперёк.
За мечтой, за любовью, за правдою –
Словно право на жизнь
Перед богом Всевышним оправдывал.

Другой

Поперёк он хотел бы шагать...
Но зачем напрягаться из кожи?
На чужой шее ехать, махать
Сапогом, языком – хорошо же!

Но случилось – не рассчитал –
У судьбы есть свои повороты...
С чужой шеи однажды упал –
На свою... В рай закрыты ворота.

Поперёк – он мечтал, он хотел...
И, казалось, забрался высóко,
Только шею свою пожалел,
А чужая – окрепла до срока...

Середина мая

2001

Середина мая. Снег пришёл,
Словно телеграмма, неожиданно.
Небо помрачнело. Ни луча.
Даже края солнышка не видно.
Середина мая. Валит бель
На платки и плечи колоколен.
Ах, какое солнце обещал апрель,
Пряча звёзды в трещинах проталин.
Середина мая. Я ищу,
Словно сумасшедший шарю взглядом –
Хоть цветок, хоть запах на ветру,
Хоть росток весны, но лишь бы рядом,
Середину мая чтобы пить,
Как парное молоко из крынки,
Рухнуть в цвет черёмух и любить
Воздух, запах, зелень, паутинки...
Середина мая. Не цветёт,
Забеременеть никак не может
Стылая черёмуха. Но жжёт
Майский снег обветренную кожу.
Середина мая. Солнца нет.
Словно все места под солнцем проданы.
Сколько дней, а может быть и лет! –
Не сезон
цветения
родины.

* * *

2002

Внимает, как песнь солóвью,
Твой стих – но настанет срок,
Христовой проступит кровью
начертанное меж строк...

и ожиданьем встречи
жившая столько лет,
пойдёт,
поспешит
навстречу
через паперть иль белый свет,

по узкой тропе-дороге
за истиной под перстом,
чтоб встать на Твоём пороге,
Марией перед крестом,

чтоб встать на Твоём пороге,
как боль Твоя, как стрела,
которая против многих
правил
летела
или жила,

пущенная любовью,
вечным живым огнём,

рукой Твоей – к изголовью –
ожившая скорбным днём,

чтоб встать на Твоём пороге –
как боль твоя, как стрела,
как вещей звонарь, уБОГий,
ударив в колокола:
набатов,
набатов –
звоном
до края земли, до звёзд...
каждый удар – стоном –
молот горяч от слёз

за дру́ги,
сестру
и брата
восстанет, где дух – скала,
набатов, набатов – звоном
ударив в колокола.

Мы все – при чинах, и в óтрепи,
все горькие втихаря,
рукою Твоею крепимся,
молитвой у алтаря...
все сжатые и натужные –
метель уже столько лет,
не холёные, не наутюженные,
все сдавленные от бед,
стоим,

как столбы фонарные,
как крест посреди пустыря,
талантливые и бездарные,
одинокие, как стерня...

Внимала, как песнь солóвью,
Твой стих – но нагрянул срок,
Христовой сочится кровью
начертанное меж строк...

ШИВОРОТ

*на
выборот*

Обделёныш

1991

Прочервячил и затих, как обделёныш,
Приспособившись за краешком стола,
Перестроечный рукастенький детёныш,
Жирный – хватать кусок, как крохи с подола.

И портрет невиноватый скирпидонив,
Скорбной сапою взирая на народ,
Порождает, в темноте наскорпионив,
Обделённую породу из пород...

Рукастыш

1993

Изворюжился Рукастыш,
Распальцовыш – крутотень,
Охобетина лобастый, –
Кепарёнка набекрень.

Пробивается нахрапом
Ньювориша приבלатень,
Фейсом лезет в телевизор, –
Кепарёнка набекрень.

Лихо щёлкает по понту
Расписная красо-гень,
На шарнирах в душу мылит –
Кепарёнка набекрень.

Растузованы доллары,
Как напупный выпендрень –
Тока в душу не пролезешь
Кепарёнкой набекрень.

На собрании

1995

Сюсюка отмузикала,
Мазендра пробурликала,
Хандрюля завязикала,
Окунча прикудикала,
Прикуделил Притюпик
И Казера закаукала:

– Нахандрили, раздербанили, ободры,
Выдраконились и выгнулись вконец,
Прогудонили, промыргали Россию –
И накрышился конкретистый крындец.

Уеду
1995

Нахлабучу вызундрепу
Помоднючему наляпу,
Приповыпендрюсь мондрядой
Помодулистому писку,
Пощелчу навывучабо,
Трипалисто пощечечу
Да кривулисто лыбенься,
Выпурянисто уеду.

Взьерепенишься, припузясь,
Постерлячий обдерлибчик.
Пикундюкнешь, прикузябнешь
Распузыристую кряку,
Чебуртыхнувшись, кривякнешь,
Постерлячий обдерлибчик,
И накузишься чувындра
До рогалистых рожорий...

Крокодил
2001

Пришляпил дуболобный технородыш,
Идейную мыслью – как народил.
И сразу взнебился бескрылышный пародыш –
По небу ползает зубатый крокодил.

Презентаба

2001

Профигурил Презентаба,
Пролыжанил меж скромняг,
Натворянил суматохи,
Как бульдога меж дворняг.

Закокетились моргули,
Взбудоражился тусняк,
И теперь никто не смотрит
На безмордышей-бедняг.

Ух, ты
2001

Прибульдозил – ух, ты – ёлки...
Разглаголил – ух, ты – блин!
Прифрантованный с иголки
Матерёвый в парафин.

Отчебучил – ух, ты – нате...
Раздраконил – ух, ты ё!
Замажорил на физмате
Забубённым бугаём.

Разверстался – ух, ты – опа...
Прицыбанил – ух, ты – блин!
Отпосыленный с Европы
Нефтегазовый блондин.

СТРАННОЕ ВРЕМЯ

Странное время

2000

Странное время. Какое странное время. Всё переплелось-перемешалось. Реальное с нереальным. Правда с ложью. Простое кажется сложным, а сложное смешным.

Словно перевернулся мир с ног на голову. Так вот и ходит. И привыкает... – самое странное и печальное – привыкает ходить-вертеться на голове. Жить и день, и другой день, и другой год, и другое десятилетие... – жить или просто быть вот в таком перевёрнутом состоянии...

Восемнадцать

1989–1991

Мне восемнадцать. Опора, на которой держалась моя уверенность и моя ветреность рухнула. Почва вышла из-под ног. Казалось, опустел мир – померк. И, как слепой котёнок, пытаюсь я двигаться, постоянно натываясь на что-то острое и постоянно куда-то падая. Почва под ногами не устойчивая – вязкая, склизкая, болотистая.

Пошли следующие восемнадцать... То ли жизнь, то ли адов жернов или горнила. Цепляюсь за жизнь. Я – даже не канатоходец, а лезвиеходец между двумя пропастями – изнанкой жизни и неестественно блестящей её лицевой стороной. От этого блеска исходит особый дух. Однажды я видела такой завораживающий блеск... – так в полдень блестит поверхность омута.

Интуитивно делаю шаг, другой, третий... Ощущается только постоянно пульсирующий обнажённо-больной нерв. И неустанное: выжить-выжить-выжить...

Медленно...

1991

Медленно... катился по небу кровавый круг. Он, то проваливался в фиолетовые облака, то вновь выкатывался на небосвод.

Душа моя, привыкшая летать, скорбела в ту ночь. Отяжелевшая, припала она к земле – Подножию Стоп, в надежде омыться ночной росой. Но замерла меж стебельков трав, скрутившись в яйцо...

Роса, ударяясь о твёрдую яичную скорлупу, пугливо отскакивала в сторону...

Пытаясь подняться, душа моя могла лишь катиться, ударяясь об упругие стебли трав. Беспомощно останавливалась. Замирала. И молилась...

Кровавым пятном зависла над душой моей луна. На неё то и дело громоздились неуклюжие облака... медленно.

Потеря 2000

Ольга потеряла себя.

Где?

Остановившись посреди тротуара, она огляделась. Машины, люди...

Что заставило меня остановиться? – подумала Ольга, мысли в голове закрутились быстро-быстро. – Ведь ещё минуту назад я текла каплей в суетливом городском потоке. Через пятнадцать минут начнётся рабочее совещание, разве это сейчас не важно? Что заставило меня остановиться? Что отчётливо сказало во мне: «Я потеряла себя!». Чьи-то глаза? Нет. Я шла, не глядя в глаза прохожим, думала о совещании. – Я шла, не видя людских глаз!..

Всякие мысли

1989–2004

* * *

Катаешься себе как сыр в масле. Потом вдруг по иронии судьбы:
и белое – чёрным, и чёрное – белым.
Стоишь как из яйца в мир вылупившийся. Но такой трезвый!

* * *

Один пережитый день, бывает, равен целой жизни.

* * *

Когда дело доходит до серьёзных вещей... рак на безрыбье –
не спасенье.

* * *

Беда не видящего дальше своего носа в том, что он и не замечает,
как начинает вращаться вокруг самого себя.

* * *

На высокую гору поднимается человек не размашистым шагом –
согбенно.
И нет эйфории. Падает плашмя. – Дошёл!

* * *

Попав зерном под жернов судьбы остаться прежним невозможно —
перемелет в муку.

Вот и молишься!.. — только бы выдержать — не ссучиться.

Лежишь потом на столе хлебом и думаешь, что ты уже не зерно —
хлебушек.

Жить надо

1996

Ловко защёлкнув пряжку ремня безопасности, Люська откинулась на неудобную поскрипывающую спинку кресла в самолёте ЯК-40. Зацепившись взглядом за металлическую табличку с надписью «Запасной выход», она, наконец, попыталась расслабиться, мысленно вообразив, что её тело – это желеобразная масса, которая медленно расплзается по креслу. Ничего не выходило. Не отпускал вчерашний разговор в андринской больнице.

– Что вы, дамочка, от меня хотите? – проговаривала каждое слово пухлыми, неровно накрашенными губами врачница, не переставая подтачивать ногти маникюрной пилочкой. – Я ещё раз вам объясняю: я не принимала роды 14 сентября 1994 года у вашей сестры. И не понимаю, о какой такой родовой травме, о каком внутричерепном давлении идёт речь.

– Как, о каком? – дрогнувшими губами прошептала Люська.

Ещё каких-то два месяца назад Люська была абсолютно уверена в том, что весь мир создан исключительно для радости и открытий – распахни шире глаза и удивляйся брызгающему золотом озорнику – рассвету, красногрудому закату, вспыхнувшей и взбушевавшей яблоневым цветом любви...

Сейчас же весь мир казался ей чередой нескончаемых ожиданий у кабинетных дверей адвокатских контор, больниц, с въедливым запахом лекарств и спирта. Она вот-вот готова была расплакаться от собственного бессилия. От того, что всё прекрасно понимают суетливые глаза врачницы. Всё понимают! – И не хотят понимать!

Как щитом – криком отгородилась врачиха от Люськиного шёпота: «Мне абсолютно не интересно, что там установили в вашей Свердловской клинике! У нас в регистрационной карте детей с вашим диагнозом не указано! – и уже более спокойно продолжила – И не могу я вам сказать, где найти ту акушерку. Не могу, потому что она ещё в девяносто четвёртом году поменяла место жительства, – наклонив голову, и указав на Люську острым концом пилочки, она процедила сквозь зубы. – И ва-а-аще, мне больше не о чем с вами говорить. Меня больные ждут. – Она повернула голову к дверям, прокричала – Следующий!»

Больше всего на свете Люське хотелось сейчас разом сгрести в кучу все небрежно раскиданные по столу карты больных и с силой обрушить их на голову врачихы. Побледневшая, поднялась она с деревянного обшарпанного стула. Что есть мочи, прижав ладони к столу, как приклеив – замерла. Застыла, опустив голову. Затем посмотрела в упор в глаза медработницы. Та, выронив пилочку на пол, вдавилась в кресло. Рывком развернувшись, Люська вышла из кабинета, не оглядываясь на оторопевшую, не проронившую больше ни слова врачиху.

Обивая каблук о больничный кафель, направляясь к выходу, Люська, сжав губы, молча плакала. Без слёз. Плакалось где-то глубоко. Внутри. В сердце. А рядом шёл мамин голос, словно замолчавший вдруг в телефонной трубке.

– Не знаю, доченька, что и делать. Полношка ведь после того, как её в баньке помыли, девять дней в состоянии комы была. А кто знал-то, что у неё от рождения внутричерепное давление. В карте-то оно не указано. А с ним, не то, что в баньке мыться – на тёплом воздухе даже находиться нельзя было. Сейчас

из комы-то вышла. Но до сих пор ни на что не реагирует. Лежит, как неживая, – голос мамы то и дело обрывался.

– А что врачи говорят?

– А что врачи... – она замолчала.

Но прежде, чем скрипучий приговор телефонистки «ваше время истекло», как холодные ножницы перерезал нить, соединяющую две родных души молчанием – голос матери успел, как невидимое существо выскользнуть из телефонной трубки, и теперь повсюду волочился за Люськой. То всхлипывая, то срываясь, то иглой вонзаясь молчаливым плачем материнского отчаянья в Люськино сердце.

* * *

Самолёт, содрогнувшись железным телом, коснулся посадочной полосы. Бортпроводница осведомила пассажиров, что температура за бортом +28. «Это хорошо» – подумала Люська. Остановившись в узком проходе багажного отделения, она зажмурила от удовольствия глаза, когда солнечный свердловский луч, проскользнув сквозь суетливо толкающихся к трапу пассажиров, как весёлый щенок лизнул ей нос и ресницы.

Солнце жарило в полную силу. Спустившись с трапа на жарко дышащий, мягкий асфальт, ожидая неуклюжего, как бегемот, автобуса, который повезёт в город, Люська набиралась духу, чтобы отправиться в больничный стационар.

* * *

Сигаретный дым ожёг горло. Рука вздрагивала. Никак не могла Люська найти в себе силы сделать несколько шагов и открыть дверь, за которой уже два месяца «живут» племяшка и сестра. От мысли, что сейчас надо будет лоб в лоб столкнуться с

действительностью, её охватил страх. Все её попытки хоть как-то изменить ситуацию, оказались лишь бесполезной тратой времени. Районный врач, который, как выяснилось, ввел Поле не то лекарство, точно взбесившийся лев рывками двигался по кабинету, рыча: «У нас такое случается – в суматохе потеряли карту ребёнка. Ну, ничего же – завели новую». Адвокат запросил таких денег, которых у Люськи естественно не было. А без денег в нашем «самом гуманном» государстве в туалет-то на вокзале не сходишь, не говоря уже о том, чтобы отсудить у врачей, «случайно» подведших ребёнка к генерализированной атрофии головного мозга, необходимую на лечение сумму. Случайное ли это стечение обстоятельств? Цепочка ли отдельных врачебных преступлений? – углубляться в этот вопрос у Люськи уже не было сил. После вчерашнего разговора с врачихой андринской больницы, она отчётливо понимала: «Надежды на улучшение нет. И взять её неоткуда».

Страх, подкравшийся внезапно, как паук, вдруг пополз по телу. Люска содрогнулась от его присутствия. Страх возматал с каждой секундой, превращаясь в огромную чёрную зияющую дыру, которая поглощает в себя всё: пространство с его зеленеющими деревьями, больницу с её запахом, надежду...

Люська ощущала себя такой хилой и мелкой – не способной к какому-либо действию. Это гнетущее чувство парализовало не только волю, но и любую попытку мыслить. Словно замерло всё вокруг, потемнело. Ни листва не шелестит, ни комар не летает, ни люди не движутся – нет их... И только частое биение Люськиного сердца – единственный признак жизни...

Вдруг Люська как наяву почувствовала, что сидит на коленях у своего отца, ещё живого, около русской печки и смотрит на огонь. А в доме так тихо-тихо, только дрова потрескивают. Языки

пламени, поблескивая, отражаются на печном кафеле перьями огненной птицы... Отец берёт Люськину руку в свою, с огрубевшими мозолями, и тихонечко говорит: «Доча, смотри, поленья и те не боятся в печку лезть, хоть и понимают, что сейчас сгорят. И всё равно, ишь ты, радуются ещё, трещат, смолой плюются... А ты у меня какого-то экзамена по физике испугалась. А ты не бойся. Ты делай. Страх, он ведь действия боится...»

«Ну, же, девочка моя, вставай! Всё будет хорошо! Главное – олимпийское спокойствие. Что бы ни происходило, надо всегда стараться быть выше обстоятельств» – стал мысленно уговаривать Люську голос отца.

Оторвавшись от лавочки, на которой сидела, округлив спину, докуривая очередную сигарету подряд – Люська заставила себя выпрямиться. И шаг за шагом направилась она в сторону больничного корпуса.

* * *

Сквозь стекло коридорной двери Люська увидела, как медленно и тяжело двигалась по коридору ссутулившаяся женщина с ребёнком на руках. Только когда женщина подошла ближе, Люська узнала в ней сестру.

Холод пробежал по спине. Стекло двери покрылось мелкими чёрными точками. Казалось, ещё шаг сестры и Люська осядет на каменный больничный пол, прилипнув спиной к дверному косяку... Но собрав всю свою силу, Люська распахнула дверь и подалась вперёд. Протягивая сестре пакет с фруктами, попыталась спокойно, даже радостно проговорить:

– У-у-у! Леночка, родная моя, здравствуй!

Сестра подошла, тихо прикоснулась ухом к её плечу и прошептала:

– Вот.

Меж воспалённых от слёз и бессонницы век, в потухших глазах сестры темнело бесконечно тягучее чувство отчаянья, близкое безумству.

Как-то резко толкнулось сердце, словно ударившись о что-то острое. Сжалось. И откуда-то прямо из его раны вырвались слёзы, комом застревая в горле... Люське показалось, что всё вокруг стало расплывчатым. Она чувствовала, что от бессилия теряет и равновесие, и контроль над собой. «Что-то нужно делать» – проблеснуло в голове. И сдавленным голосом Люська произнесла, глядя на племянку: «Маленький мой, иди ко мне».

Поля, которая до этого полулежала на руках сестры, свесив свои ручонки, словно маленькие плёточки, положив свою кучерявую головку на материнские ладони, продолжая смотреть прямо перед собой, хлопая огромными чёрными ресницами – улыбнулась...

– Ты моя хорошая! – Люська осторожно взяла на руки, прижала к себе, похожую на неё как две капли воды, дочь сестры. – Лен, ты чего плачешь-то? Смотри, она улыбается! – тихо обратилась к сестре, вглядываясь в подавшие признак жизни детские глаза.

– Люська, ты не понимаешь. Ведь это первая её реакция после... – и Лена осеклась, не договорив. Задыхаясь от слёз, она уткнулась лицом в ладони, и, отойдя к окну, отвернулась.

Глаза Полюшки открыто смотрели на Люську. Что могла Люська сказать этим глазам?.. Они просились жить – впитывать в себя мир.

– Лен, пойдём, прогуляемся. Смотри, на улице прелесть какая! – вдруг неожиданно для себя проговорила Люська, и, не дождавшись ответа, продолжила – на рынок надо сходить, купить

кое-чего... в парикмахерскую...

– В парикмахерскую?! – утирая слёзы воротом халата, удивилась сестра.

– Волосы красить.

– Да ты что?! Какая мне сейчас парикмахерская? Разве мне сейчас до этого.

– До этого, Лен... Жить надо, понимаешь... – тихим, но очень твёрдым голосом отрезала Люська. Немного помолчав, добавила – я вас с Полюшкой на улице подожду, – и, не дав сестре даже возразить, она выскользнула за дверь.

Душно было Люське. Воздуху не хватало. Как чужими, отяжелевшими медленными шагами шла она, не замечая уже ни солнца, ни зеленеющей листвы, ни вальяжно прогуливающихся по асфальтовым дорожкам прохожих...

Сделав ещё несколько шагов, она, словно от острой грудной боли вдруг стала сворачиваться, крепко скрестив руки. Обессилев, медленно опустилась на корточки. И, сев, покачиваясь словно маятник – не то застонала, не то заскулила.

Словно тяжёлый крест, взвалился на плечи, придавив.

Казалось, минула уже целая вечность. Год, другой, третий...

А она всё словно маятник...

* * *

Ну, же, девочка моя, вставай! – будет уговаривать Люську голос Отца. – Ещё один шаг... Сейчас откроется дверь...

За что?

2001

Детство, детство... – весёлое, беззаботное порхало ото дня ко дню, словно лёгкая бабочка от цветка к цветку. Мы, дети нашей улицы, с ранних лет росли в одной разновозрастной компании. Но что нам разный возраст? Разве кто-нибудь думает в детстве о возрасте? Крепко мы дружили. Три девчонки нас – Алёнка, я, Танюха, остальные восемь – пацаны. Играли, огородничали, жгли ночные костры. Став постарше, забрасывали за плечи рюкзаки, гитары и отправлялись на Шунут-камень – встречать рассвет.

Пришло время – наши старшие мальчишки уходили в армию. Провожали шумно, весело – всей улицей. Гармонь мехами плясала, на гитарах струны рвались, половицы деревянные во дворах повизгивали от уральских дробушек да частушек. А Танюшка, школьница ещё, всё подшучивала: «Ой, парни, служите – не срамите. А мы уж тут от весны до весны ждать будем. Невестами вас встретим. Платья белые сошьём. Чтобы в платьях белых весь мир кружился – чтобы свадьбам места было мало на земле...»

* * *

Год прошёл. Весна вспыхнула белыми черёмухами. Татьяна прижмёт письмо на тетрадном листочке в клеточку к щеке, и в платье белом кружевном перед зеркалом нет-нет, да и закружится-завертится. А весна-то, весна-то какая! Брызжет! Пряная! Окна школы нашей – настежь. Пишет учитель математики мелом на доске формулы: «икс + игрек...» А Танюшка в своей тетрадке в клеточку пишет формулу: «Таня+Андрей=Любовь».

*Но зазвенел звонок раньше времени.
Беспокойно зазвенел, словно колокол.
Сашка с армии пришёл – цвет осыпался.
Сашка с армии пришёл раньше времени.*

*Встали вдоль дороги все школьницы
по обеим сторонам в чёрных фартучках.
Встали вдоль дороги все школьники
по обеим сторонам с чёрным воротом.*

*Заводской гудок, как плач перед иконою.
Чёрной лентой вдоль дороги все жители.
И встречали, провожая колонною –
Сашка с армии пришёл раньше времени.*

Беспокойная весна – неуютная. Две недели не прошло – цвет осыпался. Через день – чёрной лентой все жители. Через день – провожали колонною. Наши мальчики домой торопились. Санька, Вадик, Рафик...– наши мальчики... Раньше времени пришли, раньше времени. Две недели не прошло – весна вызрела. А в Татьяниной груди ещё теплится: «Жив Андрюха» – и рука пишет формулу. На Татьянинных плечах ещё держится платье белое – тайком, перед зеркалом.

Но опять звенит звонок, словно колокол.

Кто?! – Андрюха!

И колонна поплыла чёрным лебедем беспощадною весной, раньше времени...

*Вдоль дороги вехой – чёрной линией,
Беспощадно скорбный день настал.
И ударил роковой молнией
В девичью судьбу Афганистан.*

*И любовь, подстреленною птицей,
Падала с небесной высоты.
Увядали, не успев раскрыться,
Первые весенние мечты.*

*И упало наземь платье белое,
Потемнела белая фата.
За ночь переспели щёки спелые,
За ночь наша Танька оцвела.*

*Вдоль дороги вехой – скорбной линией
Словно гиря на душе – двухсотый груз.
И застыла в чистом взгляде девичьем
Не по-детски каменная грусть.*

* * *

Юность, юность... – шальная, дерзкая бежала ото дня ко дню, словно быстроногая гибкая лань. Мы, дети нашей улицы, смело врывались в юность. Юбочки, танцы, первые робкие поцелуи... Три девчонки нас – Алёнка, я, Танюха, остальные четверо с нами и четверо в памяти – пацаны. Играли, огородничали, жгли ночные костры, то вдруг забрасывали за плечи рюкзаки, гитары и, взяв с собой палатки, отправлялись на Дыроватый камень-скалу по тропе Бажукова – встречать рассвет.

Пришло время – наши младшие мальчишки уходили в армию. Провожали тихо, беспокойно – всей улицей. Алёнка всё те-ребила в руках синенький платочек, плакала да шептала: «Только вернитесь! Только живыми вернитесь! Мы дождёмся – и весну, и другую весну дождёмся. Только обязательно вернитесь, роднень-кие!»

* * *

Год прошёл. Весна вспыхнула белыми черёмухами. Каждое утро заглядывает Алёнка в почтовый ящик – давно почему-то пи-сем нет. Прижмёт зимнее письмо на тетрадном листочке в клеточ-ку к сердцу, и тихо-тихо плачет. А весна-то, весна-то какая! Брыз-жет! Пряная! Окна института – настезь. Пишет профессор мелом на доске формулы тригонометрии, но Алёнка в своей тетрадке в клеточку пишет формулу: «Только бы живой...»

*Но звонок опять как рок, раньше времени.
Как набат над головой, словно колокол.
Женька с армии пришёл – ветви дрогнули.
Женька с армии пришёл раньше времени.*

*Встали вдоль дороги все школьницы
по обеим сторонам в чёрных блузочках.
Встали вдоль дороги все школьники
по обеим сторонам с чёрным воротом.*

*Заводской гудок, как плач перед иконою.
Чёрной лентой вдоль дороги все жители.
И встречали, провожая колонною –
Женька с армии пришёл раньше времени.*

Молчаливая весна – холодящая. Две недели не прошло – весна вызрела. Через день – чёрной лентой все жители. Через день – провожали колонною. Наши мальчики домой возвращались. Женька, Юрка, Игорёк – наши мальчики... Раньше времени пришли, раньше времени. Две недели не прошло – небо мрачное. А в Алёнкиной груди ещё теплится: «Жив Серёга» – и рука пишет формулу. И в Алёнкиных глазах ещё светится пламя юности, как свечка зажженная.

Роковой звонок завыл, словно колокол.

Кто?! – Серёга!

И колонна поплыла чёрным лебедем беспощадною весной, раньше времени...

Опустилось небо птицей огненной.

Душу словно пламенем ожгло.

В этот миг, казалось, во вселенной

Время тяжким бременем легло.

Птицы замолчали – словно голос

Пропадал в нависшей тишине.

Поседел внезапно юный волос

На девичьей русой голове.

Ветер – не посмел её тревожить,

Словно пёс у ног её затих.

Доля вдовья рубцевала кожу,

Карабахом юность раздробив.

* * *

Детство, детство...— весёлое, беззаботное порхало ото дня ко дню, словно лёгкая бабочка от цветка к цветку. Юность, юность...— шальная, дерзкая бежала ото дня ко дню, словно быстроногая гибкая лань. Мы, дети нашей улицы, с ранних лет росли в одной разновозрастной компании. Но что нам разный возраст? Крепко мы дружили...

*Три девчонки нас — Алёнка, я, Танюха —
Ходим, молча меж кладбищенских оград.
Только фонари гвоздик багровых
Освещают пламенем закат.*

*Было детство наше светлым городом,
Траурной каймою мир предстал.
Налетев недобрым чёрным вороном,
Отобрал парней Афганистан.*

*Ходим молчаливые, бескрылые,
Вешние, но на исходе дня.
Крылья наши белые — наших мальчиков
Забрала безжалостно Чечня.*

*Даже время — время быстротечное
Молчаливо... — чувствует вину.
Только раненые крики лебединые
От земли пронзают вышину.*

*Острой болью дней военных лозунги –
«Всё для фронта. Не забыт никто»...
Деды наши – полегли за Родину.
А вот наши мальчики – за что?!*

А вы-то где были?

2001

Сколько стены этого полутёмного купе поезда слышали откровений и исповедей. Сколько обвинений соседей, тещи, мужа, жены... И в этот вечер пассажир, нашедший уши случайного попутчика, который выйдет скоро на другой станции и больше никогда не встретиться в жизни, в пух и прах костерил свою жену: и за то, что гримза и шипит, как змея, за каждую кружку пива, и за то что за детьми не смотрит – один растёт шалопай шалопаем, другая готова на шее родительской до конца жизни ехать, свесив ножки. А всё жена, бестолочь, воспитать толком собственных детей не смогла...

Попутчик, поджарый, спортивного телосложения мужчина лет пятидесяти слушал, отхлёбывая фактурными губами чай из стеклянного стакана в подстаканнике и, вдруг, грустно посмотрев на собеседника, прокомментировал:

– Вот и вы, к сожалению, боитесь посмотреть правде в глаза. – Не в мамках и тётках дело, а в папках и дядьках. Вспомните библейское «Моисей родил...» Он – мужчина родил своё семя. Он – мужчина растил, воспитывал своё семя. Он – мужчина нёс ответственность перед Богом за своё дитя.

Это он – мужчина, относясь к жене, «как к драгоценному немошному сосуду» и, «прилепясь к своей жене», как обладающий силой, нёс на сто процентов ОТВЕТ за себя и за тех, кого на своих плечах держит - за детей своих, и за ту женщину, которая за ним замужем. Не перед мужем или при муже, а за мужем – понимаете? Что может спросится с драгоценного сосуда – с этой немошной тонкой хрустальной вазы? А вот с обладателя вазы спросится: Не

стал ли он сам вазой, за которой нужно ухаживать? И что теперь две вазы стоят? И кто тогда хозяин? – Нету?..

Вот и вы, к сожалению, не чувствуете, что мужчина – это спокойная, стабильная, уверенная внутренняя сила, несущая на себе ответственность за свой род, потому что не чувствовали его, мужчину, в себе. Конечно, «если соль утратит свою солоноость, что сделает её солёною?..» Поэтому и остаётся вам, как немощному и бессильному выкручиваться, словно червя на сковороде, прикрываясь немощным сосудом – неухоженной вазой, мол, жена виновата. А вы-то, мужчина-мужик, глава и хозяин, где в этом деле были?..

После этих слов в разговоре наступила пауза, переросшая в молчание. Через некоторое время поезд остановился на станции. Мужчина, сравнивший жену с вазой, поднялся, ловко вскинул сумку на плечо, и, направившись к выходу из купе, бросил:

– Счастливо оставаться.

– Угу... – угрюмо пробурчал попутчик, который потом всю ночь, обхватив руками голову, просидел за купейным столиком, глядя в тёмное окно, за которым, словно года его жизни, мелькали деревья, огни полустанков, вагоны проносящихся мимо пассажирских и товарных поездов...

Монолог Фёклы

1996

Фёкла Агафьевна – женщина изящная, жизнелюбивая, глаза светятся, в руках всё ладится спорится. Засиделись мы с ней однажды до позднего вечера – чаёвничали в беседке, костерок близ горит потрескивает, – хорошо. Слово за слово, Фёкла Агафьевна разоткровенничалась, локотком на стол массивный деревянный оперлась, голову на ладонь склонила, взгляд своих серых глаз куда-то внутрь себя устремила, вздохнула и говорит: «Вот живу-живу, и боюсь однажды убить себя. Не физически. Нет. Тут – не дождёшься, тут ползком, но эту жизнь, богом данную, всеми поджилками до конца цепляться буду. А как-то оно по-иному боюсь – однажды изменив себе. Грань отчаянья когда так отчётливо проступает – боюсь об её лезвие не плотью, а душою пораниться, когда, подобно мечу о камень пытаюсь его, отчаянье это, расколоть.

Грань, от которой бегу, пытаюсь оторваться, но она, словно магнит, тянет к себе, как железную стружку, хоть тресни. Кажется, что сто́ит... смолчать, когда в душе колокола звонят, да так, что в висках звон раздаётся? Или что сто́ит остаться, когда тошно мутит от увиденного, осознанного? Ничего не стоит вроде бы. Но, зато, сразу тебе сыть, тепло и уважение. Так, нет! Не может. Почему? Боюсь убить себя, когда – миг – и кусочек от меня откололся. Окаменел. И я не чувствую себя...

Одиночество. Как я его ненавидела. Как боялась голоса, своего внутреннего, который звучит во мне в эти минуты. Как боялась себя...

Потом, закрыв глаза ладонями, плакала. Мне так хотелось, чтобы меня пожалели, заметили, разглядели в этой шумной таборной жизненной суете. Так прошло несколько лет.

Когда одиночество достигло плотности вакуума, то ничего больше не оставалось, как ругаться с моим внутренним голосом. Требовать у него, то есть у себя, право на нормальную жизнь. Право на «смолчать», «остаться», «прикинуться» и «подделаться» – сфальшивить! Но голос был беспощаден. Стоял на своём, не желая уступать моим требованиям ни дюйма права. Он кричал, объяснял, умолял. Потом заплакал. И, вдруг, материализовался в образ – меня! Как бы моим двойником стал. Встал напротив меня, руки раскинул и отчаянно прошептал:

– Убивай!

– Я не собираюсь никого убивать, – ответила я своему голосу в образе моего двойника, сама находясь в полушоковом состоянии от увиденного. – Я, я лишь хочу принять правила этой жизни. Я, наконец, хочу жить, кушать!

– Убивай. – потребовал голос.

– Кого? – спросила я, нервно вытирая платочком испарину, выступившую на лбу.

– Меня, – сказал он металлически. Он уже не плакал. Он был твёрд.

– Но ведь... – попыталась я что-то сказать, но, Господи! У меня в душе в эту минуту словно весь мир перевернулся. Это избитое библейское «Не убий!» – вдруг – развернулось в другие объёмы, в другие формы, в другие измерения и мерёла. Радость – перестала быть радостью, танцы – перестали быть танцами, общение – общением... Одиночество – перестало быть одиночеством...

Теперь я стремилась к нему, тосковала без него, порой, даже чувствовала себя опустошённой без него. Я стремилась к себе, рвалась, стараясь дорасти до себя, дотянуться. Я полюбила себя.

Только он! Мой голос – поющий, требующий, грозящий, жалеющий, мягкий и тёплый, твёрдый и упрямый, обжигающий, горя-

ший... – только он был «последней инстанцией» в любом выборе и «указующим перстом» на моём пути.

Но вчера... то ли как никогда близко оказалась грань отчаянья, то ли это отчаянье остриём-лезвием меча своего нащупало во мне больное – тонкое место, и вонзилось туда. Не ведаю. Но я снова слицемерила, – и моё «да» не было «да».

А я до этого, не ела уже почти трое суток, на пустом чае житье. Задержка зарплаты... А у государства, есть зарплата, нет её – ты вечный должник, оплати в срок и всё, иначе проценты эти поганые начинают щёлкать, мотаться, как дамочков меч над головой. А я уже семь лет как без определённого места жительства, на съёмной квартире – бомж и бомж. С виду, конечно, вся с иголочки – интеллигенция. Только нынче у нас в стране таких интеллигентных бомжей – пруд пруди. Куда ни глянь – то там семья квартиру снимают, а сами живут впроголодь. На чём только дух держится... То сям – у родственников каких на подселении приютились. Стою четыре года в очереди на общежитие, и когда дождусь эти четыре метра жилья дарового неизвестно, да и дождусь ли? У нас вон, Анна с Кургана приехала, там повально работы нет, – так она уж шесть лет в этой очереди числится. Который год уже, после этой пресловутой перестройки неладной, которая все сбережения, что монстр съела за ночь, открываю утром глаза не для того, чтобы жить, а чтобы выжить.

Работу в фирмах-однодневках этот мой голос не считает, видите ли работой – для него это пустая бессмысленная трата времени, направленная на облапошивание и без того обманутых людей. А времени у него итак в обрез – всего одна жизнь. Ему подавай книги! Поэзию! Которую он, диктует начальственно, а я, как его личный секретарь сиди – записывай. А я ведь ненавидела писать. Самый нелюбимый предмет в школе – русский язык, кропотливая

писанина. Да и писала я медленнее всех в классе. Учителя в один голос прочили мне будущее в точных науках. С такой логикой – только в физмат.

Хожу вчера из угла в угол. Ищу свой голос. Зову его...

– Ну, прости. Ну, прости. Прости!

А в ответ – тишина.

– Ну, что ты молчишь? Скажи, что простил. Скажи, хоть что-нибудь!

А в ответ опять – тишина. Такая, что кажется одна-одинёшенька во всей вселенной. Всё живое куда-то исчезло, как повымерло. Я уж взмолилась:

– Умоляю тебя, живи! Я не хотела!.. Ну, на секунду, сознание помутилось! Не удержалась. Изобразила приличие. Ну, прости меня! Ты должен жить! Обязан. Слышишь?! Ну, возьми, как обычно ты это делаешь – съёрничай. Изобрази меня в стиле гротеск, в своём гротесковом дружеском шарже. Возмутись, в конце концов! Ну, что же ты молчишь?! Я ведь не смогу жить без тебя – всё, всё потеряет смысл.

Сколько я его так уговаривала – бог знает, сидела, на диване, то обхватив колени, то закрыв лицо ладонями. Господи! Как же я боюсь убить свою душу своими руками. Я уже не взывала, отчаянно шептала. Шёпот змейкой полз по полу: Прости! Прости...

И, вдруг, наконец, слышу – тихий, обиженный и впрямь еле живой, голос прошептал: Вот и плачь теперь...

Это был он! Он! Живой! Обиженный, но живой!

И прямо петь захотелось. Живой! Ничего, всё осилим, переживём...

А порой, накатит, как сейчас, и думаешь: должен же быть какой-то путь, когда и душа жива, поёт, говорит, и живот сыт – он же тоже жизнь дарует. Должна же быть какая-то гармония при-

родная – когда и себе лукавить не надо, и хорошо всё. Вот, и думаешь...».

Фонарный свет мерно вздрагивал. Фёкла Агафьевна сидела за столиком беседки, казалось, внимательно всматриваясь, то ли в желтовато-сиреневые полосы от света фонаря меж деревьев, то ли в ночь. Молчалось. Июньская ночь была тёплой, звёздной.

Заиграла гармонь – это сосед Аркадий Семёнович вышел, как он говаривал, попеть звёздам, присев на лавочку у палисадника:

*«Ночью в поле звёзд благодать,
В поле никого не видеть,
Только мы с конем по полю идём,
Только мы с конем по полю идём...»*

Фёкла, слушая его грудной густой баритон, смахнула слезу и благостно заулыбалась, такой таинственной улыбкой, словно у ребёнка, заморожено разглядывающего пойманного в ночном саду светлячка.

**Сказка о том,
как Иван-Дурак журнал читал**
1997

Жил-был Иван-Дурак. Сам дурак дураком, но журналы-то почитывал...

Жил Иван с матерью в избёнке на четыре окна. Избёнка стояла на самом краю села. А село то, коли сверху на него взглянуть, чашу напоминало. В центре пруд – дно видать. От пруда, аж до самых краёв «чаши», избы добротные расположились. И окаймляют чашу-село леса еловые.

Жил Иван на свете двадцать годков – горя не знал. Лежит себе на печи, трескает бублики за обе щеки. Один съел – за вторым потянулся, другой съел – за третьим потянулся... За третьим-то потянулся – глядь, а вместо бублика в руке у него журнал! Обложка-то у журнала уж больно красивая, яркая. «Западная, видать» – Иван подумал. Погладил рукой обложку.

Открыл Иван журнал, а бумага-то под обложкой пожелтевшая, точно у газеты старой. Страницы все в тёмных жирных пятнах, будто кто на листы журнальные селёдку клал. Удивился Иван, присмотрелся, буквы вроде знакомые, мелкие правда. Но только Иван одно слово прочитал, как стал темнеть лист журнальный, буквы запрыгали... Лист совсем чёрным стал, а пятна жирные кровью налились. Иван глаза зажмурил. Вдруг яркий свет в глаза Ивановы ударил. Открыл Иван глаза, а перед ним не лист журнальный – окно. И вся Русь Великая в том окне, как на ладони. Изумился Иван диву такому, вглядываться стал... И видит идёт по Руси широким шагом горбатая Перестройка. Где ни пройдёт, там памятники разрушаются, улицы переименовываются, предприятия разоряются, деревни пустеют.

Внимательнее взгляделся Иван в окно. И видит из избы в избу шастает костлявая безработица, цены, что тесто на дрожжах, растут; старики, как листочки осенние, вянут да нищают. А на фоне повальной разрухи как-то неестественно быстро, то там, то здесь, то ли дома, то ль дворцы растут. Всё выше, выше поднимаются. А крыши-то домов тех золотом червонным покрыты. «От ить, – удивился про себя Иван. – Крыши-то золочённые, а на солнце не блестят...»

Ещё пристальнее взгляделся Иван в окно. И видит, сжигают березовские перед телекамерами свои партбилеты. А березовских-то мно-о-ого! Аккуратно распиливают они страну на лакомые куски – только кровь из-под пил вместо опилок. И садятся они на лакомые куски, как пеструшки на яйца.

Страшно стало Ивану. Отпрянул он от окна. Но тут увидел себя. Лицом к лицу оказался. Глаза в глаза смотрит. Вдруг, развернулся в окне и пошёл. Любопытно стало Ивану: куда это он, дурак, пошёл? Присмотрелся...

Идёт Иван в окне по незнакомому городу северному, навстречу ему человек странный движется, маслом топлёным свои губы мажет. Но что-то дикое, животное в том человеке – два шага по-человечьи сделает, а потом несколько метров, словно зверь прыгает. Ближе к нему Иван подошёл, человек-зверь зыркнул на него глазами тёмными и заулыбался широко, маслянисто.

– Мир, тебе, добр человек, – говорит Иван. – Кем будешь?

– Живу я здесь, добра всем желаю, – вкрадчиво отвечает тот.

Едва успел он последнее слово договорить, как на мгновение, сквозь его человеческий облик, зверь проявился. Образ-то человеческий поблек, будто растворяясь, а сквозь кожу явственно шерсть вылезла, вместо лица морда, то ли волчья, то ли шакаля. Вместо рук лапы когтистые. Жуткий страх охватил Ивана в этот

миг, холод по спине пробежал. А зверь – раз – и снова человеческий облик обрёл. Опять с улыбкой что-то начал говорить Ивану.

Но Иван, как каменный, стоит едва дышит. В голове туман и гул, будто рой пчёл вокруг летает. Очнувшись от того, что человек-зверь руку к нему протягивать стал да так, словно к душе полез, Иван дрожащими пальцами с усилием перелистнул журнальную страничку.

А на второй страничке снова окно. В том окне видит Иван: выходит он за калитку отчей избы. Бежит босым по траве напрямиком на мыс – искупнуться вечером. Солнце в это время огромным блином сползает с небесной сковороды, скатываясь за крыши домов. По небу плавно растекаются бордовые, оранжево-жёлтые разводы. А на потемневшей воде пруда, словно хвост пятиметрового подлещика, поблёскивая своей чешуёй, переливаясь всеми цветами радуги, рябит солнечная дорожка. Засмотрелся Иван на закат. А страничка возьми, да и сама перелистнись...

И видит Иван в новом окне... Кремль – точно он. И кирпич красный. И звёзды. И мавзолеей. Иван видел такую картинку в букваре. А тут – рукой щупай – не хочу! Вот она – Москва-матушка! А народищу-то видимо-невидимо, меряно-немеряно. Радостью сердце Иваново забилося. Стоит – ногу на пятку. Оглядывается. Поговорить бы с народом столичным, – думает.

И только заговорил было, как, вдруг, спиной-спиной – и прижался к стене кремлёвской. Народищу-то видимо-невидимо, меряно-немеряно, но люди-то все идут – безликие! Ни глаз у них, ни выражения на лице – только языки в щельках, вместо губ. И говорят-говoryт-говoryт, языки вертятся. Прислушался Иван, уши наострил, а говор-то непонятный: вроде бы и свой – русский, а вроде бы и не свой – заморский. И, вроде, понимает Иван

говор-то, но что ни слово – то консенсусы, да провайзеры... Никак этот говор Ивану в темя не идёт – не втемяшивается. В душу Ивану никак этот говор не проходит – дух это не русский, заморский дух.

Стал Иван затылок чесать – думать. Неуютно было на его душе. Молча стоял он посреди людского потока. Шло время. А он всё стоял и думал, о том, что его, Иванова Родина осталась там, у старой избы на четыре окна, у тумана на его мысу...

Не стал Иван дальше журнал читать. Захлопнул. А журнал, как змейка, закрутился в руках Ивана и свернулся, оставив лишь дырку от бублика.

Посмотрел Иван вокруг – дома он, на печи. В окно избы лучи закатные заглядывают. «И вправду я – дурак дураком» – подумал Иван. Но журналы с тех пор больше не читал.

СЛОВАРЬ

СЛОВАРЬ

Словарь

Принятые сокращения источников

БЭС – Большой Энциклопедический словарь / М.: Большая Рос. Энциклопедия, Спб.: Нифинт, 2000.

Словарь Даля – Даль В. И.. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах. – М.: А\О Изд. Группа «Прогресс», «Универс», 1994.

Словарь Ефремовой – Толковый словарь русского языка/ Под ред. Т. Ф. Ефремовой – М.: Рус. яз., 1986.

Словарь Ожегова – Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: «Сов. Энциклопедия». 1973 – 846с.

Словообразовательный словарь – Словообразовательный словарь русского языка / авт/-сост. А. В. Семёнов – М.: ЮНБЕС, 2002 – 703с.

Словарь Ушакова – Словарь русского языка в 4-х томах/Под ред. Д.Н. Ушакова – М.: «Сов. Энциклопедия», 1935.

* * *

Б

Бель – «Середина мая. Валит бель/На платки и плечи колоколен» (стр. 53) | Бель – белизь, белизна – яркий, чистый белый цвет.

Бель ж. – то же, что: белизна/ *Словообразовательный словарь*

Белизна ж. – яркий, чистый белый цвет. Белизна снега. / *Словарь Ожегова*. | Белизна ж. – малоупотребимое белость ж. состояние, сущность, свойство белого. Белизна, белина, белинка или белизь ж. / *Словарь Даля*

В

Воочию – «Зрите очищение воочию...» (стр. 8)

Воочию – наглядно. | Очи, очей мн. Око-а ед. (устар. и высок.) и (стар.) очеса, очес, ср. (устар. и высок.). То же, что глаз (в 1 знач.)/ *Словарь Ожегова*.

Втихаря – «...все горькие втихаря» (стр. 55)

Втихаря (разг.) – тайком, молчком, тишком, втихую, втихомолку.

Втихаря́ нареч. разг.-сниж. То же, что: втихомолку. / *Словарь Ефремовой*

Выдюжить – «...Ваня выдюжит – встанет Русь» (стр. 36)

Выдюжить – выдержать, вытерпеть. | Выдюжить жу, -жишь; сов. (прост.). Выдержать (во 2 знач.), вытерпеть. / *Словарь Ожегова*

Г

Голытьба – «Растачивать метраж на голытьбу» (стр. 30)

Голытьба – голь; в Русском государстве городская и сельская беднота, обычно не имевшая постоянного местожительства и нанимавшаяся на различные работы. См. также Гулящие люди. / БЭС. | Голытьба, -ы, ж., собир. (устар. пре-небр.). То же, что голь. / *Словарь Ожегова*. | Голытьба, голытьбы, мн. нет, ж., собир. (устар.). Беднота, оборванцы. Гуляет нынче голытьба. Блок. / *Словарь Ушакова*

Д

Дефолт – «Верю твёрдо – душой молюсь/Да не сломят дефолты Русь» (стр. 36) | Дефолт (en. Default – невыполнение обязательств) – невыполнение договора займа, то есть не оплата своевременно процентов или основного долга / *Википедия*. | Дефолт (от англ. Default) – отказ выплачивать долги, невыполнение обязательств, несоблюдение правил. Дефолт 1998 года в России – экономический кризис 1998 года в России (также называемый Дефолт по названию одной из причин кризиса) был одним из самых тяжёлых экономических кризисов в истории России. Собственно датой дефолта является 17 августа 1998 года.

З

За кордон – «Всё брошу и уеду куда-нибудь в Лондóн,/В Париж или Неаполь – короче, за кордон» (стр. 28). | За кордон – за границу, за рубеж, на чужбину, в загранку, за бугор. / *Словарь синонимов*. | Кордон, -а, м. 1. Пограничный или заградительный отряд; пост охраны. 2. Место, где находится такой отряд или пост. Уйти за к. (перейти границу; разг.). Лесной к. / *Словарь Ожегова*.

Занавески – «И занавескам сатиновым/Худо в окне-колыбели» (стр. 39) Занавеска, занавески, ж. Сшитая из ткани Завеса для окон (опускающаяся или задергивающаяся), штора. Оконные занавески. || Завеса из ткани, отгораживающая часть комнаты. Изба была перегороджена занавеской. / *Словарь Ушакова*

К

Кичиться – «Казнокрады кичатся... – пусть.» (стр. 36)/ | Кичиться – Хвастаться, горделиво возноситься/ *Словарь Ожегова*. | Кичиться, кичусь, кичишься, несов., кем-чем. Гордиться, хвастаться (каким-н. своими преимуществами). Кичиться своим богатством/ *Словарь Ушакова*

Кликать – «Кличут хозяйку, укают...» (стр. 39). | Кликнуть, кликать, кликивать – звать, призвать, кричать кого, требовать голосом кого, куда-либо; (уралск.) закличи его, кликни. -ся, кликать, звать друг друга; перекликаться. Кликни его, вороти! Закличь его сюда. Искликался, никто не идёт. Кликал помощи, о помощи, но надселялся!/ *Словарь Даля*.

Кровля – «Багряную сыпь кровель» (стр. 46). | Кровля -и, род.,мн. -вель, ж. Крыша./ *Словарь Ожегова*. | Кровля ж. обвершка строения или крыша. Под которой кровлей голуби водятся, та не горит. Кровля, кров м. крыша; строенье, жилье, дом, изба: приют, скринище, защита от непогоды; Отчий кров, родительский дом, родина. Ни сбывища, ни скрываща, ни крова, ни пристанища./ *Словарь Даля*.

Л

Лоно – «Деревень обветшавшее лоно/Трудно уже не заметить» (стр. 38). | Лоно – грудь, перси, недра, утроба, колени./ *Словарь Даля*.

Н

Нашейный крест – «Веру! – и ту, нашейным крестом...» (стр. 14). | *Нашейный крест* (авт. знач.) – существует выражение «натальный крест», здесь же – крест, носимый без веры в душе.

Неисбывный – «Боль моя неисбывная» (стр. 37). | Неисбывный – неисбывное горе, неотвратное, роковое; неисбывная боль – которая

уже осталась и которую нельзя поправить. Неисбывность – свойство того, чего нельзя сбыть, что должно нести/ *Словарь Даля*

Небь – «*Даже пень перекрестился, /на небь посмотрев едва*» (стр. 16) Небь (устр.) – небо, небеси. Року 1461 Комета великая показала на небь, межи восходом солнца и полночю, праве на полнеба метлою своею заимуючи, през дний 15 была видная... *Гинцель*. | На небь жэ, да у Бога,... / *Золотая книга. Веда славян*; Создатель книги: *Веркович Стефан Ильич (С.-Петербургъ 1 Мая 1881 г.)*

О

Оболванил – «Оболванил! – и срулил» (стр. 16). | Оболванивать (разг.) – обмануть, оставить в дураках или болваном. Оболванил, оболванивать – оболванить что, отделать грубо, обтесать, придав вещи при-близительно желаемый вид или размеры; оболванивать – оставить болваном, дураком; Шуточн. остричься гладко, под гребенку. / *Словарь Даля*.

Отрепъ – «*Мы все – при чинах, и в отрепи*» (стр. 55). | Отрепъ (разг.) – отрепье, лохмотья, сильно поношенная рваная одежда. Отрепъ – Обтрёпанный, обтрёпанная, обтрёпанное; обтрёпан, обтрёпана, обтрёпано (разг.). 1. Отрёп собирает. отрепки м. мн. отрепье ср. отрепена ж. вят. тряпье, ветошь, рваная одежда, лохмотье, обноски. / *Словарь Даля*.

Очаг – «*Чьи-то дома отчие – Тёплый очаг раненый*» (стр. 39). | Домашний очаг (ритор.) – перен. свой дом, семья. / *Словарь Ушакова*

П

Портовая – «*С души – портовая, с лица – уродина*» (стр. 35). | Портовая – включает синонимы «портовой девки», портового города – шумного, разбитного и не очень чистого. Портовой, портовая, портовое, и (чаще) портовый, портовая, портовое. Прил. к порт./*Словарь Ушакова*. | «Портовый торговый город – синонимы: город барышников, массовых закупок шмотья в былые годы, город-торговка...» / *С. Ведюшкина. «Страсть к разрушению»*. | «Портовые девки, весь стыд потеряв, Так возле борта и вьются!» / *Константин Беляев. «Дневник замполита»*.

Порок – «Нищета – порок. Ещё какой!» (стр. 48). | Порок – недостаток нравственный, духовный, всё что противно истине, добру. Зло, порок, как свойство, качество человека / *Словарь Даля*.

Пустошь – «Правдою – у обочины, Пустошью – на окраине» (стр. 39). Пустошь -и, ж. Невозделанный участок земли, заросший травами, мелким кустарником. / *Словарь Ожегова*. | Пустошь, пустоши, ж. Незаселенный, невозделанный, запущенный участок земли. Всякие уголья, и дома, и деревни с пустошами. А. Островский / *Словарь Ушакова*.

С

Сгинуть – «Чтоб в сыру землю не сгинул, не зачах тощой в пыли» (стр. 17). | Сгинуть, сгину, сгинешь, сов. (разг.). Пропасть, исчезнуть. Сгинь с глаз моих! мой сад заглох, мой сад бесследно сгинул. Некрасов. / *Словарь Ушакова*.

Ставни – «Как выцветшие иконы/ оконные ставни светят» (стр. 38). Ставни – деревянные надстройки в виде дверок с наружной стороны окна деревенских изб. Служат защитой дома – их закрывают на ночь, элементом украшения – резные ставни. / *Словарь Даля*.

Стерня – «...одинокие как стерня» (стр. 56). | Стернь и стерня ж. южн. жниво, жнивье, жнище, жнивище, сжатое поле, и | самые остатки соломы на корню. / *Словарь Даля*.

Сутолока – «В сутолоке суток, как в квадрате...» (стр. 24). | Сутолока – толкотня, суматоха, толпа, суета, сумятица, беспорядок / *Словарь Даля*.

Т

Тихая сапа – «Влезть, видать, повыше метил... /тихой сапою» (стр. 16). | Выражение «тихая сапа» – от слова «сапер» во франц. яз. и букв. означает: «Тот, кто занимается сапой». В военной терминологии «тихая сапа» – это работы, кот. ведутся с особой осторожностью, без шума, с тем чтобы подобраться к противнику незаметно, в полной тайне. Когда же это выражение распространилось широко и в общем языке, оно там получило значение: осторожно, в глубокой тайне и не спеша.

Применяют его только к какой-либо предосудительной деятельности - всяким интригам, козням и «подкопам».

У

Утроба – «*Это орган самый гнилой/Внутри российской утробы*» (стр. 48). | Утроба (устар.) – Чрево, живот./БЭС

Ч

Чван – «*При этом ширится метраж чванов...*» (стр. 30). | Чван – надменный, спесивый, тщеславный и малодушный человек, жаждущий лести. | Чван м. разг.-сниж. Чванливый человек./ *Словарь Ефремовой*. | Чванить кого, надмевать, делать надменным, спесивым, гордым. Чван-ство и чвань, чванность, более как понятие отвлеченное; гордость, тщеславие, спесь и жажда лести, похвалы. Чванство рода, - богатства, - заслуг. – Важничанье в людях, ломливость. Чванство не ум, а недоумье. Чван, чванишка м. чванка ж. чваныш м. чванчуга об. чванный человек. Чванец, вор. шашка на кону, в игре./ *Словарь Даля*.

Оглавление

От автора.....	3
Правдою у обочины	5
«Ветры в поле...»	6
Прошло-новым перестройщикам	7
Кто-нибудь	9
Обличение.....	10
«Ах, как хотелось быть...».....	11
Если бы	12
Воля	13
Письмо на деревню дедушке Думе	14
Предгрозье или предвыборный сезон	16
Всё можно знать – от А до Я.....	18
Лакомый кусочек.....	19
Перестройка.....	21
Налетела.....	22
«Моя трагедия равна кровопролитию!».....	23
«В сутолоке суток, как в квадрате ...»	24
Узница. <i>Триптих</i>	25
Волк	26
Живём.....	27
В момент глубокого пессимизма	28

Опять	29
Эмигрант	30
Знаешь, мама	32
Поколение девяностых	34
«С души – портовая...»	35
На рассвет	36
«Стана моя бедолажная...»	37
«Затихли рябин кроны...»	38
«Смотрят глазами тёмными...»	39
Иван-Дурак	41
А Русь – стояла	43
Рассвет входил в силу	44
Нищета – не рок... ..	48
«Мы – люди – все на плахе...»	50
Поперёк. <i>Диптих-контраст</i>	51
Середина мая	53
«Внимает, как песнь соловью...»	54
Шиворот на выворот	57
Обделёныш	58
Рукастыш	59
На собрании	60
Уеду	61
Крокодил	62
Презентаба	63

Ух, ты	64
Странное время	65
Странное время	66
Восемнадцать	67
Медленно... ..	68
Потеря	69
Всякие мысли	70
Жить надо	72
За что?	79
А вы-то где были?	86
Монолог Фёклы	88
Сказка о том, как Иван-Дурак журнал читал	93
Словарь	97
Оглавление	104

Книга «Острый угол» издана за счёт средств автора.
Рукопись подготовлена к изданию в июле 2008 года.

КНИГА ИЗДАНА МАЛЫМ ТИРАЖОМ

**Публиковать и использовать в СМИ произведения,
находящиеся в данном издании, полностью или частично
запрещено.**

Любовь Миляева
ОСТРЫЙ УГОЛ

Художник: Вера Миляева
Верстка: Елена Захарова
Компьютерный дизайн: Любовь Миляева
Издание подготовлено в авторской редакции

Подписано в печать 22.04.2010. Формат 14х16,5
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 7
Тираж 250 экз.

Отпечатано ОАО «Информационно-издательский центр».
Ханты-Мансийский автономный округ - Югра Тюменской области
628006, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 5. Тел. 33-35-52, 32-15-81.
ИНН 8601024498